

ЗАКОН СТАЛИ

Виталий Лапиков

Закон стали

«Автор»

2026

Лапиков В.

Закон стали / В. Лапиков — «Автор», 2026

История Артема Громова - кадрового военного, который уволился по окончании контракта и построил юридическую корпорацию захватывает с первых строчек. Честный, и справедливый - он с юных стал мечтать о юридической деятельности, возможности применять закон на практике и помогать с помощью него людям, наказывать зло и справедливость. Это и история успеха и кадры из жизни офицера, который прошел путь от простого курсанта военного училища до руководителя огромной корпорации, путь от простой мечты до юридической империи, имея твердую веру в себя, свое окружение , закон и справедливость.

© Лапиков В., 2026

© Автор, 2026

Виталий Лапиков

Закон стали

ПРОЛОГ

Наши дни. Москва. Здание Верховного суда Российской Федерации.

Он стоял у окна на последнем этаже и смотрел вниз, на площадь, заполненную людьми. Телекамеры, вспышки, микрофоны. Журналисты ждали его появления, как ждут приговора по самому громкому делу десятилетия. Впрочем, так оно и было.

Дело «Красного моста» — так окрестили его в прессе. Крупнейший корпоративный конфликт в истории современной России. С одной стороны — государственная корпорация, требующая признания сделки недействительной. С другой — частные инвесторы, вложившие миллиарды и не желающие отдавать своё. А между ними — он, Артём Громов, человек, которого обе стороны называли своим главным арбитром.

Человек, который двадцать шесть лет назад стоял на плацу военного училища под проливным дождём с двумя потрёпанными учебниками в вещмешке.

Человек, у которого тогда не было ничего — ни денег, ни связей, ни будущего. Только вера. Вера в то, что закон — это не просто слова на бумаге. Что закон — это сталь. Сталь, из которой можно выковать судьбу.

Артём поправил манжет рубашки. Чёрный костюм сидел идеально, сшитый на заказ у лучшего портного Милана. Запонки — платина с гравировкой: скрещенные мечи и весы правосудия. Символ, который он придумал сам, когда у него не было ничего, кроме негибаемой веры в закон.

Он помнил тот день, когда впервые увидел эти символы. Не в ювелирном магазине, не в геральдическом справочнике. В учебнике римского права, на пожелтевшей странице, где рассказывалось о древних магистратах, носивших при себе символы власти: меч — силу, весы — справедливость. Тогда, двадцатилетним курсантом, он подумал: «Вот то, к чему я должен стремиться. Не к силе без права. Не к праву без силы. К их единству».

Сегодня его состояние оценивалось в два с половиной миллиарда долларов. Корпорация «Громов и партнёры» имела офисы в двенадцати городах страны и представительства в Лондоне, Дубае и Сингапуре. В штате — более семисот юристов. В клиентском листе — крупнейшие корпорации и государственные структуры.

Но путь к этой вершине был вымощен не деньгами. Он был вымощен потом, кровью и бессонными ночами. Разбитыми кулаками и сломанными судьбами. Пободами и поражениями. Предательствами и откровениями. Громов помнил всё.

Он помнил запах казармы — сырой штукатурки, солярки и мужского пота. Помнил скрип старой койки, на которой спал четыре года. Помнил холодный свет настольной лампы, под которым зубрил Гражданский кодекс, пока все остальные спали.

Он помнил лицо полковника Деркача, пытавшегося сломать его. Помнил, как тот, багровый от ярости, швырнул в него ведомость: «Ты сгниёшь в этом гарнизоне, лейтенант! Ты будешь умолять меня подписать эту бумагу!» Не дождался. Ничего не дождался.

Он помнил лицо генерала Савельева, предлагавшего сделку с дьяволом. Тот сидел напротив, попыхивал дорогой сигарой и говорил вкрадчиво: «Громов, вы же разумный человек. Зачем вам эти принципы? Они не кормят, не греют, не защищают. А деньги — защищают. Власть — защищает. Подумайте». Он подумал. И отказался.

Он помнил лицо Аркадия Александрова, патриарха юридического рынка, который объявил ему войну на уничтожение. Старый лис, чьи адвокаты выигрывали самые безнадежные дела, чьи связи простирались до самых верхов. Александров смотрел на него с плохо скрываемым презрением: «Выскачка. Провинциал. Пустышка». И этот «выскачка» в конце концов похоронил его империю.

И он помнил лицо Людмилы — женщины, которую любил и потерял, потому что не умел останавливаться. Её глаза, полные слёз, когда она уходила. Её слова, которые он запомнил наизусть: «Ты живёшь только работой, Артём. А я хочу жить тобой».

Теперь ему сорок шесть. Седина на висках, шрам над левой бровью — память о той ночи, когда трое напали на него у подъезда. Усталость в глазах, которую не скрыть никаким макияжем. Но спина прямая, как штык. Взгляд — стальной, не знающий поражений.

— Артём Сергеевич, — тихий голос секретаря прервал его размышления. — Заседание начнётся через пятнадцать минут. Все собрались.

Он обернулся. Марина, его бессменный помощник на протяжении последних восьми лет, стояла в дверях с папкой в руках. Высокая, собранная, в строгом костюме — она знала своё дело лучше многих юристов. Артём когда-то лично отбирал её из двухсот претенденток, и за восемь лет ни разу не пожалел о своём выборе.

— Спасибо, Марина. Я знаю.

— Пресса интересуется, будете ли вы делать заявление после заседания.

— Нет. Никаких заявлений. Решение суда — единственное заявление, которое имеет значение.

— Вас поняла.

Она вышла, бесшумно закрыв за собой дверь. Артём остался один.

Он подошёл к зеркалу, висевшему на стене. Из отражения на него смотрел человек, которого он знал не всегда. Морщины, седина, шрам. Глаза — тёмные, глубокие, как шахта, из которой он когда-то выбрался. В этих глазах было всё: холод казармы, жара судебных заседаний, усталость бесконечных войн, мудрость прожитых лет.

«Кто ты? — спросил он себя. — Всё ещё тот лейтенант, который отказался подписать фальшивую ведомость? Или уже тот миллиардер, который может позволить себе всё?»

Ответ пришёл не сразу. Он пришёл из глубины, из того места, где жила его суть, его сталь.

«Ты — закон. Ты — то, что ты создал. Не деньги, не власть, не слава. Ты — это твои принципы. Твоя воля. Твоя вера».

Он вспомнил ещё кое-что. Слова, которые сказал ему отец за несколько месяцев до смерти. Они сидели на кухне старой квартиры, пили чай, и отец вдруг произнёс:

— Знаешь, сын, я всю жизнь работал на заводе. Тридцать лет у станка. И никогда не был начальником. Но я никогда не боялся смотреть людям в глаза. Потому что я честный. Запомни: честность — это не слабость. Это броня. Её не пробить.

Артём запомнил. И пронёс эти слова через всю свою жизнь.

Он подумал о тех, кто шёл с ним рядом все эти годы. О Корже, который верил в него, когда никто не верил. О Штейне, который научил его видеть между строк. О Кравчуке, который

прикрывал его спину в самых тёмных переулках. Об Людмиле, которая любила его, несмотря ни на что.

Он подумал о тех, кого победил. О Деркаче, спившемся после увольнения. О Савельеве, получившем восемь лет строгого режима. Об Александрове, умершем в СИЗО от сердечного приступа, не дождавшись приговора.

Он не испытывал к ним ненависти. Только грусть. Грусть о том, что они выбрали не тот путь. Путь силы без права. Путь, который всегда ведёт в тупик.

Он отвернулся от зеркала и направился к выходу. Длинный коридор, стены, обшитые дубовыми панелями. Портреты великих юристов прошлого — Анатолий Кони, Фёдор Плевако, Сергей Алексеев. Они смотрели на него со стен, и ему казалось, что они ждут от него чего-то большего, чем просто очередная победа.

У двери в зал он остановился. Сделал глубокий вдох. Медленный выдох. Так его учили в армии: перед боем нужно успокоить сердце, очистить разум, сосредоточиться.

Сегодня — не просто заседание. Сегодня — финальная битва. Битва, которая подведёт черту под двадцатью шестью годами борьбы.

Он толкнул тяжёлую дверь и вошёл в зал.

Тишина. Сотни глаз устремились на него. Судьи, адвокаты, прокуроры, журналисты. Все замерли в ожидании.

Артём прошёл к трибуне, поправил микрофон и начал говорить.

— Уважаемый суд, уважаемые участники процесса. Двадцать шесть лет назад я стоял на плацу военного училища под проливным дождём. У меня не было ничего, кроме двух потрёпанных учебников и веры в то, что закон сильнее силы. Сегодня я стою перед вами и говорю: я не ошибся...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЗАРМА И КОДЕКС

Глава 1. Дождь

Сентябрь 2000 года. Дальний Восток. Военный городок.

Дождь хлестал по лицу, как плетью. Небо — сплошная серая пелена, без единого просвета. Плац перед штабом училища превратился в болото, чавкавшее под сапогами. Строй новоиспечённых лейтенантов застыл, словно вышедший из употребления караул.

Артём Громов стоял в третьей шеренге и чувствовал, как вода стекает за шиворот, пробирается под китель, холодом сковывает тело. Капли барабанили по козырьку фуражки, срывались вниз, разбиваясь о грязь. Где-то вдалеке громынуло — тяжело, раскатисто, как артиллерийский залп.

Он не дрожал. Он умел терпеть. Армия научила его этому за четыре года курсантской жизни. Научила стоять на морозе, не шевелясь. Научила маршировать по колено в грязи. Научила подавлять боль, страх и усталость.

Но армия не научила его мириться с несправедливостью.

Впрочем, справедливость была понятием относительным. Артём понял это ещё на первом курсе, когда их, зелёных курсантов, заставили чистить картошку за весь батальон за проступок, которого они не совершали. «Ничего, — сказал тогда старшина, — привыкайте. В армии не бывает справедливости. Бывает приказ».

Но Артём не привык. Не смирился. Он подчинялся внешне, но внутри — никогда. И это внутреннее сопротивление было его тайной силой, его стержнем, его сталью.

Он часто думал об этом в ночные часы, когда не спалось. О том, что человек — это не просто тело. Это воля. И если воля не сломлена, человек непобедим.

Его отец, простой рабочий с уральского завода, часто повторял: «Главное — не прогнуться, сынок. Прогнёшься раз — будешь гнуться всю жизнь». Артём запомнил. И поклялся себе: никогда.

Он вспоминал, как в детстве отец водил его на завод. Огромные цеха, грохот станков, запах раскалённого металла. Отец показывал ему, как из бесформенной заготовки рождается деталь. Как сталь подчиняется рукам мастера, принимая нужную форму.

— Видишь, сын? — говорил он. — Сталь — она податливая. Но только до тех пор, пока её греют. А как остынет — крепче камня становится. Так и человек. Пока молодой — учись, гнись, впитывай. А как станешь зрелым — держи форму. Не ломайся.

Артём запомнил. И теперь, стоя под дождём на плацу, он чувствовал себя той самой сталью. Раскалённой, податливой, но готовой застыть в нужной форме.

Ночь перед распределением Артём провёл без сна. Он лежал на жёсткой курсантской койке, заложив руки за голову, и смотрел в тёмный потолок. В казарме было тихо — только дыхание спящих товарищей да редкие вздохи ветра за окном.

Он думал о том, что привело его сюда. Вспоминал родной городок, родителей, школьные годы. Отец-рабочий, мать-учительница. Скромная квартира на окраине. Вечные разговоры о том, что нужно выбиваться в люди.

— Ты у нас головастый, — говорила мать. — Тебе бы в институт, на юриста или экономиста.

— В армию пойду, — отвечал Артём.

— Зачем? — удивлялась она. — Зачем тебе армия?

— Хочу проверить себя.

Он и сам не мог объяснить. Просто чувствовал: чтобы стать тем, кем он должен стать, нужно пройти через испытания. Через боль, холод, унижения. Через то, что ломает слабых и закаляет сильных.

И он прошёл. Четыре года училища — это не просто учёба. Это ежедневная борьба. С собой, с системой, с обстоятельствами.

Он вспомнил первый курс. Как их, вчерашних школьников, стригли наголо, заставляли бегать по плацу в полной выкладке, учили подчиняться. Многие не выдержали — отчислились, сбежали, сломались. Артём выдержал.

Он вспомнил своего первого командира отделения — сержанта Топоркова, который был младше его на год, но имел право приказывать. Топорков ненавидел «умников» и особенно невзлюбил Артёма, который тайком читал юридические учебники.

— Ты что, самый грамотный? — орал он, обнаружив в тумбочке Артёма потрёпанный учебник гражданского права. — Здесь тебе не университет! Здесь армия!

— Я знаю, — спокойно отвечал Артём. — Поэтому и читаю.

— Зачем?

— Чтобы знать свои права.

Топорков тогда рассмеялся. Долго, заливисто, хлопая себя по коленям.

— Права у него! — сквозь смех проговорил он. — Ты в армии, пацан! Здесь нет прав! Есть обязанности!

— Обязанности без прав — это рабство, — ответил Артём. — А в Конституции написано: Россия — правовое государство.

Топорков перестал смеяться. Он долго смотрел на Артёма, потом сплюнул на пол.

— Посмотрим, как твоя Конституция поможет тебе на губе, — процедил он.

И отправил Артёма на гауптвахту за «нарушение формы одежды». На трое суток.

Артём отсидел. Не сломался, не пожаловался. Просто сделал выводы. Понял, что право — это не только слова. Это ещё и умение выживать в системе, которая эти слова игнорирует.

— Лейтенант Громов Артём Сергеевич, — произнес генерал-майор Савельев, сухопарый, с лицом, изрезанным морщинами, как старая кожаная перчатка, зачитывал приказ о распределении. Голос его звучал монотонно, как сводка погоды. — Направляется в распоряжение командира войсковой части номер четыре-восемь-восемь-один-один. Должность — командир взвода материально-технического обеспечения.

Артём не шелохнулся. Только желваки на скулах обозначились чётче. Значит, всё-таки наказали. Не забыли. Не простили.

Он знал, что так будет. Знал с того самого дня, когда отказался подписать фальшивую ведомость на списание имущества. Три месяца назад, перед самыми выпускными экзаменами, его вызвал начальник курса подполковник Новиков.

— Громов, есть разговор.

— Слушаю, товарищ подполковник.

— Ты у нас отличник, гордость училища. Тебе доверяют. И нужно, чтобы ты поставил подпись вот здесь, — Новиков подвинул к нему бумагу.

Артём взял её. Ведомость на списание имущества: палатки, спальные мешки, обмундирование. Сумма — на двести тысяч рублей. Цифры не сходились. Часть имущества, указанного в ведомости, физически не могла быть списана — она числилась на складе и была в наличии.

— Не понимаю, товарищ подполковник, — сказал Артём, поднимая глаза. — Здесь несоответствие.

— Какое несоответствие? — Новиков нахмурился.

— Списывается имущество, которое не подлежит списанию. Это нарушение.

— Громов, ты что, самый умный? Тебе говорят — подпиши. Значит, подпиши.

— Я не могу. Это подлог.

В кабинете повисла тишина. Новиков смотрел на него так, будто увидел привидение.

— Ты понимаешь, чем тебе это грозит?

— Понимаю. Но закон для меня важнее.

— Закон! — Новиков фыркнул. — Ты ещё вспомни Конституцию. В армии закон один — приказ командира.

— Приказ командира не может нарушать закон, — тихо, но твёрдо произнёс Артём. — Статья сорок вторая Устава внутренней службы: военнослужащий обязан соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации.

Новиков побагровел.

— Ты мне тут устав не цитируй, щенок! Я тридцать лет в армии, а ты ещё даже не выпустился!

— Я не спорю, товарищ подполковник. Просто не подпишу.

— Пошёл вон, — процедил Новиков. — И помни: я тебя предупредил.

Артём помнил. И вот — результат.

— МТО, Гром, — прошептал стоявший рядом Костик Мельников, его однокашник и единственный друг. — Это же дно. Туда ссылают тех, кого хотят сгноить.

— Я знаю, — так же тихо ответил Артём.

— Что будешь делать?

— Служить.

— Ты же понимаешь, что это конец? Ни карьеры, ни перспектив. Тупик.

Артём не ответил. Он смотрел прямо перед собой, на серую стену штаба, и чувствовал, как внутри закипает что-то горячее, несмотря на ледяной дождь. Не злость. Не обида. Азарт.

Он знал, за что его отправили в эту дыру. За отказ подписать фальшивую ведомость. За то, что посмел быть честным в системе, где честность считалась пороком.

Что ж, пусть. Он не сломается. Не дождутся.

Строй рассыпался. Выпускники обнимались, хлопали друг друга по спинам, обменивались адресами и обещаниями не забывать. Кто-то уже тайком прикладывался к фляжке. Кто-то звонил родителям. Кто-то просто стоял, оглушённый произошедшим, и смотрел в никуда.

Артём вышел на обочину плаца, где под старым тополем стояла скамейка. Сел, не обращая внимания на лужи. Достал из кармана сложенный вчетверо лист — выписку из приказа. Перечитал.

Войсковая часть номер четыре-восемь-восемь-один-один. Где это? Судя по коду — где-то в Сибири или на Дальнем Востоке. Точные координаты ему дадут в штабе округа.

— Громов! — окрик заставил обернуться.

К нему, чавкая сапогами по грязи, шёл подполковник Новиков. Тот самый, который три месяца назад, узнав об отказе Артёма подписать фальшивую ведомость, презрительно процедил: «Ты ещё пожалеешь».

— Слушаю, товарищ подполковник.

Новиков подошёл вплотную. Его лицо, красное от ветра и дождя, выражало смесь удовлетворения и брезгливости.

— Ну что, доигрался? — спросил он негромко, чтобы слышал только Артём. — Я предупреждал.

— Так точно, предупреждали.

— И что теперь? Понял свою ошибку?

— У меня нет ошибок, товарищ подполковник. Я поступил по уставу.

— По уставу, — Новиков скривился. — Устав написан для дураков, Громов. А умные люди живут по понятиям.

— Возможно. Но я не умный. Я честный.

Новиков долго смотрел на него, потом махнул рукой.

— Ну-ну. Посмотрим, как твоя честность поможет тебе в МТО. Через год ты будешь пить горькую и подписывать всё, что дадут. Как все.

— Посмотрим, — ответил Артём.

Он поднялся и зашагал прочь, не оглядываясь.

Через шесть часов он сидел в плацкартном вагоне поезда, уносившего его на восток. За окном проплывали тёмные перелески, редкие полустанки, покосившиеся изгороди. В вагоне пахло жареной курицей, дешёвым табаком и мокрой одеждой.

В вещмешке у Артёма лежали парадная форма, смена белья и два толстых учебника: «Гражданское право. Общая часть» под редакцией Суханова и «Римское право» — потрёпанный, с загнутыми углами, купленный на книжном развале за копейки.

Он достал первый, открыл на закладке и погрузился в чтение. «Гражданские правоотношения возникают из оснований, предусмотренных законом, а также из действий граждан и юридических лиц...»

— Готовишься к экзаменам, сынок? — пожилой проводник проходил мимо с подстаканниками.

— К жизни, — ответил Артём, не поднимая глаз.

Проводник хмыкнул и пошёл дальше, покачивая головой.

Артём поступил на заочное отделение юридического факультета год назад, ещё будучи курсантом. Это было сложно: уставы, наряды, караулы, а между ними — короткие часы в ленинской комнате, где он скрывался от всех, чтобы штудировать конспекты. Сокурсники смеялись. Командиры крутили пальцем у виска.

— Громов, тебе что, армии мало? — спрашивал его командир роты. — Куда ты лезешь с этим юридическим? Здесь тебя обеспечат, накормят, оденут. А там — сам, за всё сам.

— Я знаю, — отвечал Артём. — Именно поэтому.

Он не мог тогда объяснить, что чувствовал. Что-то внутри него отказывалось принимать данность. Мир, в котором он жил, был построен на приказах, уставах и неписаных правилах. Но Артём рано понял: за всеми этими приказами стоит одна-единственная система — система права. И тот, кто понимает её глубже, тот и управляет всеми остальными. Даже генералами.

Он читал, пока не стемнело. Потом отложил книгу, прижался лбом к холодному стеклу и стал смотреть на бесконечную тайгу, проплывавшую за окном. Где-то там, впереди, была его часть. Его новая жизнь. Его испытание.

Мысли текли медленно, как река за окном. Он думал о том, что ждёт его впереди. Незвестность пугала, но не парализовала. Страх был знаком ему — он испытывал его много раз: на полосе препятствий, в карауле, на стрельбищах. Но он научился управлять страхом, направлять его в нужное русло.

«Страх — это энергия, — говорил их инструктор по рукопашному бою. — Трусливый человек убегает от него. Смелый — превращает в ярость. А мудрый — в расчёт. Будьте мудрыми».

Артём старался быть мудрым.

Он достал из кармана потрёпанную записную книжку и ручку. Открыл чистую страницу и записал: «План на ближайшие пять лет: 1. Отслужить контракт. 2. Получить диплом. 3. Начать карьеру юриста. 4. Не сломаться».

Перечитал. Усмехнулся. Пункт четвёртый был самым сложным.

Поезд дёрнулся и остановился. За окном — станция, названия которой Артём не смог прочитать из-за дождя, стекавшего по стеклу.

Глава 2. Гарнизон

Гарнизон встретил его тишиной и запустением. Пять десятков домов, две казармы, столовая, штаб — и бескрайняя тайга, подступавшая вплотную к заборам.

Артём прибыл на место под вечер, когда солнце уже пряталось за верхушками сосен. Воздух был густым от запаха хвои, сырой земли и ржавого металла. Где-то лаяли собаки. Где-то одиноко стучал дизельный генератор.

Он сошёл с автобуса на единственной остановке и огляделся. Посёлок производил впечатление места, которое забыли и бог, и люди. Облезлые фасады домов, ржавые качели на детской площадке, покосившийся столб с оборванными проводами.

На скамейке у остановки сидел пожилой мужик в телогрейке и курил папиросу. Увидев Артёма, он кивнул:

— Вам в часть, товарищ лейтенант?

— Так точно.

— Идите прямо, потом налево. КПП увидите.

— Благодарю.

Артём закинул вещмешок на плечо и зашагал. Сапоги чавкали по грязи. Накидка намокла. Но он не чувствовал ни холода, ни усталости. Только холодную решимость.

Он думал о том, что скажет командиру части. О том, как представится. О том, как начнёт службу. Всё это было продумано за сотни вёрст дороги, но теперь, когда до места оставалось несколько минут, мысли путались.

«Главное — не суетиться, — напоминал он себе. — Военные уважают спокойствие. Спокойствие — признак силы».

КПП представлял собой будку с обшарпанными стенами и треснувшим стеклом. Дежурный, молодой сержант с сонными глазами, лениво поднялся при его появлении.

— Куда следуете?

— Лейтенант Громов. Прибыл для прохождения службы.

— Документы.

Артём протянул предписание. Сержант долго изучал его, шевеля губами, потом кивнул.

— Проходите. Штаб вон там, двухэтажное здание.

— Спасибо.

Штаб встретил его запахом табака, сырой штукатурки и ещё чего-то, чему Артём не мог подобрать названия. Может быть, безнадёжности.

Командир части, полковник Деркач, принял его в кабинете на втором этаже. Это был грузный мужчина лет пятидесяти с багровым лицом и тяжёлым взглядом человека, который давно перестал чему-либо удивляться.

— Громов, значит, — протянул он, не предлагая сесть. — Отличник боевой и политической. И, говорят, юрист.

— Так точно, товарищ полковник. Заочное отделение.

— И на хрена тебе это?

Артём молчал. Он знал, что любой ответ прозвучит глупо.

— Ладно, — Деркач махнул рукой. — Мне всё равно, чем ты там занимаешься в свободное время, если оно у тебя будет. Принимай взвод. Техника раздолбанная, личный состав — сброд со всего округа. Но ты же у нас отличник, справишься.

— Так точно, — повторил Артём.

— И ещё, лейтенант, — Деркач понизил голос, — не лезь, куда не просят. У нас тут всё по понятиям. Понял?

— Так точно.

— Иди. Старшина покажет тебе казарму.

Взвод, который ему передали, представлял собой двадцать восемь человек. Половина — солдаты срочной службы с проблемами с дисциплиной. Вторая половина — контрактники, для которых служба была способом не сдохнуть с голоду. Они обжили старую казарму на отшибе, куда не долетал даже запах столовой.

Артём прибыл туда в свой первый вечер. Дневальный, молодой парень с помятым лицом, лениво поднялся при его появлении.

— Товарищ лейтенант, за время вашего отсутствия...

— Я только прибыл, — перебил Артём. — Где старшина?

Старшина, прапорщик Корж, обнаружился в каптёрке. Он сидел на ящике из-под снарядов и чистил картошку. Это выглядело настолько нелепо, что Артём на мгновение опешил.

— Старшина, почему вы чистите картошку?

— А кто её чистить будет, товарищ лейтенант? — прапорщик поднял на него спокойные, почти сонные глаза. — Личный состав бухой, повара уволились, кормить некого и нечем.

— Что значит — бухой?

— А то и значит. Праздник у них. Третий день.

Артём снял фуражку, провёл ладонью по коротко стриженным волосам. Он чувствовал, как внутри закипает злость. Не на солдат, не на старшину — на саму ситуацию, на эту вселенскую несправедливость, которая засунула его сюда, в эту дыру, где всё разваливается.

— Показывайте, — сказал он коротко.

Они обошли казарму. То, что он увидел, превзошло худшие ожидания: грязные матрасы, разбитые окна, закопчённые стены. В умывальной стояла лужа, в туалете не работал слив. В спальном помещении на койках лежали солдаты в обнимку с пустыми бутылками.

Артём молча обошёл ряды коек, остановился у одной из них. Резким движением сдёрнул матрас вместе со спящим солдатом. Тот грохнулся на пол, замычал, попытался встать.

— Подъём, — сказал Артём негромко, но так, что голос прокатился по всему помещению, как эхо выстрела. — Всем подъём. У вас тридцать секунд, чтобы стоять передо мной в трусах и тапках.

Кто-то зашевелился, кто-то попытался спрятаться под одеялом. Артём прошёл вдоль окон, распахивая шторы. Серый свет ворвался в казарму, выхватывая из полумрака опухшие, испуганные лица.

— Я ваш новый командир взвода. Лейтенант Громов. С сегодняшнего дня в этом взводе будет порядок. Не потому что я этого хочу, а потому что этого требует устав. И закон. Кто не понял — может писать рапорт на увольнение. Кто понял — начинает убирать этот свинарник.

Он стоял перед ними — молодой, подтянутый, с горящими от бессонной ночи глазами, — и солдаты вдруг увидели в нём не очередного лейтенантика, который через месяц сопьётся или сбежит, а нечто другое. Какую-то нестигаемую стальную ось.

Они начали убирать.

Первый разговор с взводом Артём запомнил на всю жизнь. Он собрал всех — пьяных, сонных, враждебных — в тесной казарме и говорил с ними так, как говорил бы командир с новобранцами перед боем.

— Значит так, бойцы. Я не буду читать вам нотации. Не буду рассказывать о том, как нужно служить. Вы всё знаете сами. Вопрос в другом: хотите ли вы служить нормально или будете гнить дальше?

В ответ — тишина. Только чьё-то тяжёлое дыхание да скрип половиц.

— Я пришёл сюда не за наградами, — продолжил Артём. — Не за карьерой. Я пришёл, чтобы служить. Честно. По уставу. И я буду требовать того же от вас.

— А если не будем? — раздался голос из задних рядов.

Артём посмотрел туда. Говорил рослый контрактник с наглым лицом и спутанными волосами. Артём запомнил его фамилию: Борзов.

— Тогда будешь отвечать по уставу, — ответил он. — Наказание за неисполнение приказа — от наряда вне очереди до уголовной ответственности.

— А я тебя не боюсь, лейтенант, — усмехнулся Борзов. — Я таких, как ты, видел. Помашет шашкой месяц-другой и сбежит.

— Посмотрим, — спокойно сказал Артём. — А пока — подъём. Уборка. Через час проверю.

Он вышел, не оглядываясь. За спиной слышался ропот, но он не обращал внимания. Он знал: уважение завоёвывается не словами, а делами.

Через неделю Борзов устроил ему проверку. Подговорил двух солдат не выйти на построение. Артём не стал кричать. Он спокойно вошёл в казарму, нашёл нарушителей и поставил их перед выбором: либо они выполняют приказ, либо отправляются в комендатуру с рапортом о неисполнении.

— Ты не имеешь права, — начал Борзов.

— Имею, — перебил Артём. — Устав внутренней службы, статья тридцать два. Командир имеет право отдавать приказы и требовать их исполнения. Неисполнение приказа — это воинское преступление.

— Да пошёл ты со своим уставом!

— В комендатуру, — коротко сказал Артём.

Борзов сдался. Он вышел на построение. Потом, уже позже, когда они остались вдвоём в каптёрке, он признался:

— Ты не такой, как все. Ты не кричишь, не угрожаешь. Просто делаешь то, что говоришь. Я таких уважаю.

Артём кивнул. Он не нуждался в похвалах. Ему нужно было, чтобы взвод работал. И постепенно это начало получаться.

Первый месяц Артём наводил порядок. Жёстко, методично, без компромиссов. Он поднял дисциплину до уровня, которого в этом взводе не видели никогда. Он заставил солдат чистить казарму до блеска, заниматься строевой подготовкой, соблюдать распорядок дня.

Он лично вставал в пять утра и ложился за полночь. Следил за всем: за чистотой, за питанием, за сохранностью имущества. Он вникал в каждую мелочь, каждую проблему. И постепенно взвод начал меняться.

Солдаты, привыкшие к безделью и разгильдяйству, поначалу ненавидели его. Они ворчали за спиной, посылали проклятия, мечтали о его переводе. Но шли недели, и их отношение начало меняться. Они увидели, что Громов не требует от них того, чего не делает сам. Что он работает с ними наравне, таскает ящики, чистит сортир, стоит в карауле.

Корж, наблюдавший за ним с неизменной картошкой в руках, однажды сказал:

— Ты зверь, лейтенант.

— Почему?

— Потому что делаешь то, чего никто не делал. Но только зря ты так стараешься. Тут всё гниёт, сколько себя помню. И ты не изменишь.

— Изменю, — спокойно ответил Артём. — Или хотя бы попытаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.